

Нина Релина

ВАМ, ПАВШИЕ

Вы своих подруг не долюбили.
Не пришли на встречу в светлый час.
Но не потому, что изменили,
Но не потому, что разлюбили, —
Просто пуля повстречала вас.

Но, как прежде, верностью хранимы,
Ваши фотографии висят.
Именами тех, давно любимых,
Именами тех, неповторимых,
Называют бабушки внучат.

Значит, вы остались не напрасно
На дороге горькой, фронтовой.
Память, как и Родина, прекрасна.
Память даже смерти неподвластна.
Память есть. И, значит, жив герой!

1985 г.

НЕТ, Я НЕ ЗАЩИЩАЛА СТАЛИНГРАД...

Нет, я не защищала Сталинград,
Я только слушала его дыханье.
Зима сорок второго. Я — солдат.
Начальник связи мне дает задание:

«Со Сталинградом связь оборвалась,
А враг лютует, прет без остановки.

Приказ Москвы: установите связь
И передайте срочно — вот шифровка».

Приемник, ключ. Стопа радиограмм
За часом час растет все выше, выше.
В висках стучит, стучит. А где-то там
Идут бои, и нас почти не слышат.

В землянку к нам в который раз звонят,
И смотрит командир суровым взглядом.
В глазах вопрос: «Ответил Сталинград?
Установили связь со Сталинградом?»

О как часы мучительны и долги!
До боли в сердце слушаю эфир.
Да что там я? В те дни ответа с Волги
С волнением и надеждой ждал весь мир.

Вдруг позывные гулко, как набат,
И словно все замолкло вдруг в эфире.
Лишь слышится одно: «Я — Сталинград!» —
Как голос мужества и правды в мире.

Нет, я не защищала Сталинград,
Но мы в те дни сердцами были рядом.
И для меня дороже всех наград
Медаль... за связь со Сталинградом.

1970 г.

ОДНОПОЛЧАНКИ

Снаряды ухали, дрожали окна в хате.
А мы, девчонки с нежною душой,
Тайком мечтали о гражданском платье
И о любви красивой и большой.

Мы знали: нашу верность не забудут.
Наивно презирали смерть и страх.
Мы верили: мужья беречь нас будут
И вынесут из загса на руках.

Мы пели песни, слушали стихи,
Надеялись: любовь сильнее смерти!
Но уходили наши женихи
В смертельный ад свинцовой круговерти.

Да разве парни были виноваты,
Что не сбылись девичьи наши сны,
Что мой сгорел под Гдыней в сорок пятом,
А твой — под Брестом в первый день войны?

А годы падают, как капли, звонко,
И ничего уж не поделатъ тут.
Русоволосую смешливую девчонку
Теперь уже по отчеству зовут.

Изношены солдатские шинели,
Заброшены пилотка и ремень.
И внуки незаметно повзрослели,
А на лицо ложится грусти тень.

Но память нам, как прежде, души греет.
В какой бы ни была я стороне,
Я знаю: нет надежней и вернее
Той дружбы, что родилась на войне!

1973 г.

ПО СЛЕДАМ ВОЙНЫ

Я сошла на малюсенькой станции,
Где в суровый и памятный год
Нас, девчонок, и радиостанцию
Называли «Отдельный взвод».

Я пытаюсь клубок Ариадны
Размотать и хоть где-то найти
В юность грозную адрес обратный
И солдатские наши пути.

Где-то тут вот была батарея,
Там — окопы, а там — блиндажи...

Но навстречу — сады зеленеют,
Поднимаются вверх этажи.

Нет, не надо искать то, что было.
Пусть останется память одна.
Это значит — страна залечила
Раны, что нанесла ей война.

1985 г.

СЕДЫЕ ВЕТЕРАНЫ

Гляжу на вас, седые ветераны,
И удивление растет во мне:
Какие тяготы, лишенья, раны
Достались вам на страшной той войне!

Какие силы вас в атаки звали,
Под вражьи пули, под свинцовый град?
Ведь это вы с друзьями защищали
Брест и Москву, Орел и Сталинград.

Крестили вас днепровские купели
И волны Балтики, и Тихий океан.
Бушлаты ваши, серые шинели
Пылали кровью от шрапнельных ран.

И вот теперь, на склоне зим и весен,
Вас гнут к земле болезни и нужда.
И ваших глаз былую просинь
Туманит общая российская беда.

Но только музыка военной песни
Вдруг легкокрылой птицей залетит —
И все забыто: горести, болезни,
И молодой задор в глазах горит.

И я смотрю с любовью, с восхищеньем
На этот мужественный блеск в глазах.
Я преклоняюсь перед поколеньем,
Что отстояло Родину в боях!

СОЛДАТ

Он час назад ходил в атаку.
И вот сидел и отдыхал.
И вспоминал родную хату,
А может, немца вспоминал,

Что, замахнувшись, в зверской злобе
Уже занес над ним кинжал.
Теперь сидел он у дороги,
А немец где-то там... лежал.

И было много солнца, света.
Была весенняя пора.
Вдруг пронеслось, как шепот ветра:
«Ребята, ранена сестра!..»

Девчонка с косами льняными,
Она пришла два дня назад.
Откуда родом, как ей имя,
Не знал и не спросил солдат.

Не видел, как, земли касаясь,
За атакующими шла,
Как с тяжкой ношею из боя
Потом назад к своим ползла.

И вот она на плащ-палатке.
Где были ноги — там бинты.
В росинках лоб девичий гладкий,
Глаза — синее васильков.

А косы длинные льняные
Почти касаются земли.
И голос тихий: «Дорогие!..
Убейте, милые мои!..»

Он час назад ходил в атаку.
Девчонку эту он не знал.

А тут, прижавшись к автомату,
Он, не стесняясь, зарыдал.

1970 г.

ШИНЕЛЬ

Год сорок пятый, август. Жаркий день.
Мы мирным воздухом не можем надышаться.
Ну, наконец-то можно снять ремень.
Приказ объявлен: демобилизация!

Был шумный митинг, слезы и объятия,
Цветов душистая метель.
Нам подарили штапеля на платья
И каждой — как с иголочки, шинель.

Шинель сестренке младшей подарила.
Ей сшили теплое, добротное пальто.
Три дня она в нем в школу проходила
И вот пришла... Пальто, как решето.

Изрезано и спереди, и сзади,
Исколото, исчиркано ножом...
Какой-то шалопай забавы ради
«Поупражнялся», видно, хорошо!

Прошли года. И мы уж — ветераны.
Сны мирные приходят к нам в постель.
Но до сих пор болит на сердце рана
За оскверненную шинель.

1985 г.